

УДК 341

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ПРИЕМЕ И ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

© 2010 г.

Н.А. Кирянина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

nataliakir@list.ru

Поступила в редакцию 25.03.2010

Рассматривается проблема правового регулирования статуса несовершеннолетних участников производства на этапах приёма, регистрации и проверки сообщения о преступлении. На сегодняшний день состояние этих этапов уголовного судопроизводства нельзя признать удовлетворительным, что не способствует обеспечению защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, законный представитель, проверка сообщений о преступлении, предварительное следствие.

Традиционно в стадии возбуждения уголовного дела выделяют три этапа: принятие и регистрация сообщения о преступлении; проверка сообщения о преступлении; вынесение решения, завершающего данную стадию. Мы посчитали необходимым рассмотреть вопросы обеспечения прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства на первых двух из указанных этапов.

В УПК РФ не установлен минимальный возраст заявителя. Таким образом, отказать в приеме и регистрации заявления о преступлении только потому, что лицо является несовершеннолетним, нельзя. Иными словами, теоретически таким участником судопроизводства может быть любое лицо, не достигшее совершеннолетия. Но это теоретически.

Дело в том, что, несмотря на незначительный временной промежуток – 18 лет, лица этого возраста далеко не одинаковы по своему развитию, психическому состоянию и другим признакам. Поэтому и в законодательстве, и в юридической науке неоднократно предпринимались (и предпринимаются) попытки обозначения возрастных групп среди несовершеннолетних участников правоотношений. Так, уголовный закон различает лиц, которым ко времени совершения преступления исполнилось и не исполнилось четырнадцать лет (ч. 1 ст. 87 УК РФ). Кроме того, при определении возраста, с которого наступает уголовная ответственность, отдельно обозначены лица, достигшие четырнадцатилетнего и шестнадцатилетнего возраста (ст. 20 УК РФ). Возраст в четырнадцать и шестнадцать лет в ряде случаев обозначен в УПК РФ, например в нормах, регламентирующих

особенности допроса несовершеннолетних свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых (ч. 4 ст. 188, ст. 191, 425 УПК РФ).

Указанные выше законодательные предписания не оставлены без внимания наукой, где также приветствуется разграничение несовершеннолетних на дополнительные возрастные подгруппы. Иногда предлагается и более дробная дифференциация [1, с. 7]. Представителями уголовно-процессуальной науки достаточно аргументирована необходимость разграничения в современном уголовном судопроизводстве лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, на малолетних и несовершеннолетних. При этом, с учетом позиций, устоявшихся в иных отраслях права, правоприменительной практике, к первой группе предлагается отнести лиц в возрасте до 14 лет [2]. Поддерживая такой подход и с учетом рассматриваемого вопроса, считаем необходимым отметить, что данная дифференциация должна быть учтена при регламентации приема от несовершеннолетних заявлений о преступлении.

Изучение уголовных дел публичного обвинения, а также материалов об отказе в возбуждении уголовного дела свидетельствует о том, что заявление подростка как повод для возбуждения уголовного дела используется крайне редко. Нами не обнаружено ни одного такого заявления, которое сделали бы лица, не достигшие четырнадцати лет, т.е. малолетние. Подростки от 14 до 18 лет были заявителями лишь в 0.8% случаев (включая обращение с заявлением о явке с повинной). Анализ уголовных дел, специально отобранных для изучения по признаку участия в производстве несовершеннолетних,

показал, что подростки данной категории заявителями выступали лишь в 12% случаев. Это при том, что в общей массе уголовных дел заявление как повод для возбуждения уголовно-процессуального производства достаточно распространен (67.8%). Опрос практических работников показал, что существует несколько причин данному явлению. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Причина первая – лица моложе четырнадцати лет крайне редко самостоятельно обращаются с сообщениями о преступлении. Как правило, они делают это совместно с родителями либо родители обращаются с заявлением без присутствия подростка. Нередко это имеет место и относительно лиц в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Так, 17 мая 2006 г. в УВД по Нижегородскому району г. Н. Новгорода с заявлением обратилась гр. К. Она сообщила, что у дома № 3 по ул. Усилова неизвестные лица причинили ее пятнадцатилетнему сыну телесные повреждения и похитили сотовый телефон. Судя по тому что объяснение от подростка было получено только на следующий день, он в момент подачи заявления не присутствовал. После возбуждения уголовного дела подросток был признан потерпевшим, а его мать допущена в качестве законного представителя [3].

Такие ситуации, по нашему мнению, следует признать вполне объяснимыми. Именно родители, как правило, первыми получают информацию о совершенном в отношении их ребенка противоправном деянии, они должны в первую очередь заботиться о защите прав и интересов своих детей, причем даже в тех ситуациях, когда последние по каким-либо причинам не желают, чтобы виновные были установлены и привлечены к ответственности.

Настораживает здесь иное. В ходе интервьюирования практических работников выяснилось, что многие из них не настроены принимать заявления о преступлении от лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, без участия родителей или лиц, их заменяющих. Аргументов здесь несколько: особенности психики подростков, невозможность предупреждения их об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) и др. Большинство из опрошенных (87.3%) сообщили, что в таких случаях они, понимая, что действуют не в соответствии с законом, под каким-либо предлогом откажут малолетнему в приеме заявления. 92% этих респондентов из имеющихся в опросном листе вариантов выбрали: «Предложу подростку прийти с родителями». При таком подходе мы не исключаем ситуаций, когда родители с

безразличием отнесутся к произошедшему с подростком событию, а представители правоохранительных органов будут ориентироваться на мнение первых.

Вторая причина – возможность разрешения сообщения о преступлении, отнесенного к делам публичного обвинения, без заявления о совершенном преступлении. Такое в правоприменении встречается достаточно часто. Анализ уголовных дел и материалов об отказе в возбуждении уголовного дела свидетельствует о том, что правоприменители в таких ситуациях поступившую информацию фиксируют в рапорте об обнаружении признаков преступления и дополнительно заявление от подростка не получают. С точки зрения закона данный вариант нареканий не вызывает. Аналогичный подход применяется и в иных ситуациях, когда информация о преступлении поступает не непосредственно от заявителя, например при сообщении о преступлении с помощью средств связи.

По поводу подачи заявлений о преступлении по делам частного-публичного и частного обвинения, отметим следующее. Здесь заявителем может выступать только пострадавший или его законный представитель (ч. 2, 3 ст. 20, ч. 1 ст. 318 УПК РФ). При этом законодатель также не указывает минимальный возраст заявителя. Следовательно, как и в первом случае, таковым может быть любое лицо, не достигшее восемнадцати лет.

Законодатель предусмотрительно наряду с потерпевшим указал в качестве заявителя его законного представителя. Это объясняется, очевидно, характером данных преступлений и порядком возбуждения уголовных дел такой категории, а также теми формальными (процедурными) условиями, выполнить которые подростку не всегда представляется возможным, в частности требованиями, предъявляемыми к заявлению о преступлении (ч. 5 ст. 318 УПК РФ). Необходимо отметить, что УПК РСФСР не предусматривал возможности участия законного представителя в процедуре подачи заявления по делам частного обвинения, что вызывало нарекания со стороны ученых и практических работников [4, с. 42; 2]. И хотя в этом направлении законодателем сделан шаг вперед, тем не менее, правовое регулирование данного вопроса, представляется еще не завершенным. Так, остаются неясными следующие вопросы: может ли поводом для возбуждения уголовного дела послужить только заявление малолетнего лица; требуется ли согласование мнения подростка с позицией его законного представителя; как надлежит поступить в случае наличия коллизий

интересов малолетнего и его законного представителя?

И если по делам частно-публичного обвинения эти вопросы не так остры, то по делам частного обвинения они не могут быть проигнорированы. Сложность в разрешении этих вопросов заключается в том, что лицо, обратившееся с заявлением по делу частного обвинения, впоследствии приобретает статус частного обвинителя со всеми вытекающими последствиями, в том числе осуществлением деятельности по поддержанию обвинения. Очевидно, этим объясняется тот факт, что при анализе уголовных дел данной категории нами не обнаружено ни одного случая обращения с заявлением лица, не достигшего совершеннолетия. Каждый раз инициатором возбуждения уголовного дела был законный представитель подростка. Это подтверждает и позиция мировых судей, высказанная в ходе их опроса. Все они считают невозможным выполнение лицом, не достигшим совершеннолетия, функции частного обвинителя, а следовательно, не видят необходимости в подаче этим лицом заявления о преступлении. При этом действовать иначе правоприменителей не убеждает положение ч. 8 ст. 318 УПК РФ.

В изложенном подходе можно увидеть определенную логику. Но продолжает оставаться неясным, как быть в тех случаях, когда мнение несовершеннолетнего и его законного представителя о подаче (неподаче) заявления расходится. Кстати, такие ситуации возможны, когда преступления рассматриваемой категории совершаются родителями (или лицами, их заменяющими) в отношении своих детей. С одной стороны, у подростка есть возможность самостоятельно обратиться с заявлением к мировому судье. С другой – он не сможет полноценно выполнить функцию частного обвинителя либо выполнить ее вообще (если подросток является малолетним), а рассчитывать на помощь законного представителя не приходится.

Перейдем к рассмотрению вопросов обеспечения прав несовершеннолетних участников на втором этапе стадии возбуждения уголовного дела – проверке сообщений о преступлениях. Здесь также существует несколько вопросов, требующих законодательного разрешения.

Статья 421 УПК РФ, обозначая обстоятельства, подлежащие установлению по делам несовершеннолетних, в частности, указывает: «При производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоя-

тельств, указанных в статье 73 настоящего Кодекса, устанавливаются: 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения; 2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; 3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц». Обратим внимание на два момента. Первый – наряду с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по любому уголовному делу (указанными в ст. 73 УПК РФ), здесь содержатся дополнительные обстоятельства. Значимость установления этих обстоятельств сомнений не вызывает и в уголовно-процессуальной науке не оспаривается, хотя их исследование продолжается [5]. Второй – дополнительные обстоятельства надлежит устанавливать **при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства** по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним. Таким образом, данное положение закона не распространяет своего влияния на первоначальный этап судопроизводства.

Соотношение указанных выше правовых установлений нам представляется не совсем правильным. Так, не возникает сомнений в том, что при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с недостижением лицом возраста привлечения к уголовной ответственности необходимо точно установить число, месяц и год рождения подростка. Однако если буквально толковать предписания ст. 421 УПК РФ, то следует признать, что законодательного требования на этот счет нет.

В период действия УПК РСФСР учеными-процессуалистами отмечалось, что рассматриваемый пробел в законе необходимо ликвидировать [6]. Однако на сегодняшний день такие предложения остались нереализованными. А значимость их, как представляется, увеличилась многократно. Во-первых, законодатель увеличил число составов преступлений, обеспечивающих защиту государством несовершеннолетних от насилия в семье, ненадлежащего воспитания, от вовлечения их в противоправную деятельность. Во-вторых, исследователи, занимающиеся данными вопросами, утверждают, что рассматриваемая сфера далека от благополучия [5: Даниленко И.А., с. 21; 1, с. 4]. Не лучшим образом обстоят дела и в сфере исполнения обязанностей по воспитанию детей. Несмотря на то что норма, предусмотренная ст. 156 УК РФ, появилась сравнительно недавно (1997 г.), данные МВД РФ свидетельствуют о неуклонном росте количества зарегистрированных фактов этих преступлений. В 2004 г. было

возбуждено 3603 уголовных дела по фактам деяний, подпадающих под признаки ст. 156 УК РФ. В 2005 г. – 5167, в 2006 г. – 6473, в 2007 г. – 6063. Таким образом, за период с 2004-го по 2007 г., число рассматриваемых преступлений выросло почти в два раза, а их доля в структуре преступлений против семьи и несовершеннолетних с момента принятия УК РФ возросла более чем в пять раз [7, с. 4].

Сказанное не оставляет сомнений в необходимости разработки комплекса правовых мер противодействия таким явлениям. И на фоне этого отсутствие в УПК РФ указаний по поводу установления в стадии возбуждения уголовного дела условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровня психического развития и иных особенности его личности, влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц выглядит диссонирующим обстоятельством в системе мер противодействия преступности несовершеннолетних.

Осуществленный нами анализ материалов об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетних полностью подтверждает высказанные выше опасения. Ни в одном из них мы не увидели попытки правоприменителей выявить условия жизни и воспитания подростков, оказания на них влияния со стороны взрослых. Соответственно не отмечалось этого и в документах, завершающих стадию возбуждения уголовного дела. Это при том, что исследователями и практическими работниками отмечается высокая степень латентности рассматриваемых преступлений [7, с. 17].

Все это подчеркивает необходимость законодательного закрепления обязанности должностных лиц перед принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетних выявлять обстоятельства, указанные в ст. 421 УПК РФ.

Сложность в обеспечении прав участников предварительной проверки сообщений о преступлении заключается и в том, что УПК РФ не содержит четкой законодательной регламентации действий, которые могут быть осуществлены в этих целях. Вследствие этого такая проверка проводится преимущественно непроцессуальными средствами [8, с. 130].

В теории уголовного процесса на протяжении уже нескольких десятилетий высказываются различные, порой противоречивые суждения о необходимости расширения средств предварительной проверки сообщений о преступлениях. Не имея возможности вступать в дискуссию по данному вопросу, поскольку она достаточно объемна, вместе с тем отметим, что мы не явля-

емся сторонниками переноса на первоначальный этап судопроизводства возможности осуществления следственных действий и применения (в том числе в связи с этим) к лицам, участвующим в проверке сообщения о преступлении, мер процессуального принуждения.

Наша цель состоит не в определении перечня проверочных действий, а в исследовании вопросов обеспечения в ходе их осуществления прав личности, и в первую очередь несовершеннолетних. В связи с этим представляется, что в условиях современного правового регулирования первоначального этапа уголовного процесса было бы неверным идти по пути разработки законодательного регулирования каждого из проверочных действий, установления его процедуры, посредством которой охранять права граждан. Нам представляется, что более рациональным в этом случае является вариант, при котором будут очерчены рамки дозволенного или недозволенного в отношении несовершеннолетних при проверке сообщения о преступлении. Поэтому мы, в принципе, согласны с предложением о том, что следователя (дознателя) необходимо наделить широкими полномочиями в этой сфере, но при этом ограничить их рамками законности. Такой вариант был бы достаточно широким и в сфере обеспечения прав участников стадии возбуждения уголовного дела. Он означал бы, что ни одно право субъекта уголовно-процессуальных отношений (в том числе подростка) не должно быть нарушено.

Следующее, что обращает на себя внимание при анализе правоприменения в рассматриваемой сфере, – это отсутствие единообразия в вопросах обеспечения прав несовершеннолетних участников предварительной проверки сообщений о преступлениях. Так, наиболее распространенным проверочным действием, в которое вовлекаются несовершеннолетние, является получение объяснений. Это имеет место и в отношении несовершеннолетних-пострадавших, и в отношении несовершеннолетних-очевидцев, и в отношении несовершеннолетних, чья причастность к совершенному деянию проверяется.

Поскольку в законодательстве не содержится специальных правил, определяющих порядок получения объяснений от несовершеннолетних, а в УПК РФ даже не предполагается осуществление такого действия, на практике возникают вопросы: необходимо ли приглашать педагога при получении объяснений у подростков; имеют ли право законные представители присутствовать при получении таких объяснений. В условиях отсутствия правового регулирования эти вопросы разрешаются неоднозначно. В отдель-

ных случаях при получении объяснений по аналогии применяются правила, установленные ст. 191, 425 УПК РФ, т.е. к участию допускается педагог и законный представитель. В других – эти правила не применяются. При этом, с учетом существующего законодательного регулирования, упрекнуть правоприменителя в нарушении закона невозможно.

Осуществленный анализ показал, что в 63.8% случаев следователи и дознаватели не вовлекали дополнительных участников в процедуру получения объяснения от несовершеннолетнего. В 12.5% ситуаций объяснение от подростка было получено в присутствии одного из родителей. В 23.7% случаев при получении объяснения присутствовал педагог. Мы приводим усредненный результат. В отношении отдельных возрастных групп такие показатели разнятся.

Отсутствие единообразия в правоприменительной практике объясняется еще и тем, что применение по аналогии положений ст. 191 и 425 УПК РФ (если это имеет место) также вызывает ряд вопросов. Дело в том, что указанные нормы не одинаково регламентируют порядок допроса несовершеннолетних. Так, в ч. 1 ст. 191 УПК РФ указано, что «допрос потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению следователя и допрос потерпевшего и свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет проводятся с участием педагога». В части 3 ст. 425 УПК РФ содержится несколько иная формулировка: «В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно». В части 1 ст. 191 УПК РФ указано, что при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля вправе присутствовать его законный представитель. При этом каких-либо дополнительных уточнений возраста не сделано. Следовательно, это правило должно применяться относительно всех лиц, не достигших восемнадцатилетия. В статье 425 УПК РФ подобного правила не содержится. Но право законного представителя присутствовать при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого имеется в п. 3 ч. 2 ст. 426 УПК РФ. Если учесть, что в стадии возбуждения уголовного дела нет еще таких участников, как свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, то необходимо признать, что единообразно применять указанные выше положения закона по аналогии на первоначальном этапе судопроизводства затруднительно [9].

Таким образом, отсутствие надлежащей правовой регламентации предоставляет безграничный простор для использования правоприменителем своего усмотрения, которое не всегда действует во благо обеспечения прав несовершеннолетних участников судопроизводства. Поэтому не возникает сомнений в том, что эти вопросы должны быть детально урегулированы. Считаем, что значительную роль в этом могло бы сыграть вовлечение в уголовно-процессуальную деятельность дополнительных субъектов. В первую очередь здесь мы имеем в виду законных представителей несовершеннолетних и педагогов.

Это предложение касается не только получения объяснений, но и осуществления иных проверочных действий. Пояснение своей позиции начнем с примера. В одном из изученных нами материалов об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ содержатся следующие документы. Рапорт начальника линейного пункта милиции о том, что при проведении рейда был задержан шестнадцатилетний Ш. Протокол личного досмотра, осуществленного в соответствии со ст. 27.1 КоАП РФ, где указано, что в присутствии понятых у подростка был изъят нож. Объяснение Ш., в котором он пояснил, что нож был приобретен в магазине. Справка эксперта, содержащая вывод о том, что исследованный предмет является хозяйственно-бытовым ножом и не относится к холодному оружию [10]. В ходе осуществления проверочных действий ни законный представитель подростка, ни педагог в уголовно-процессуальную деятельность не вовлекались.

Причина подобных явлений, очевидно, та же – отсутствие законодательного регулирования осуществления проверки сообщения о преступлении с участием несовершеннолетнего и, в силу этого, отсутствие надлежащих гарантий обеспечения прав таких участников судопроизводства. Если указанные действия в отношении подростка производились бы в стадии предварительного расследования, то правоприменитель, очевидно, действовал бы иначе. По делам данной категории обязательно участие защитника (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ) и законного представителя (ст. 426 УПК РФ). Как тот, так и другой имеют право участвовать в следственных действиях, производимых с участием несовершеннолетнего и, тем самым, контролировать законность и обоснованность действий следователя или дознавателя. В стадии возбуждения уголовного дела подросток, по сути, остается один на один с должностным лицом, осуществляющим проверку сообщения о преступлении. И это, на наш взгляд, неправильно.

Кстати, предложения о законодательном закреплении возможности участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела уже высказываются на страницах юридической литературы. Причем не только в тех случаях, когда в предварительную проверку вовлекаются несовершеннолетние [11].

Еще один аспект рассматриваемой проблематики заключается в следующем. «Пекинские правила» [12] предполагают специализацию должностных лиц и органов, осуществляющих судопроизводство в отношении несовершеннолетних. Пункт 12.1 «Специализация полиции» гласит: «Для выполнения своих функций наилучшим образом служащие полиции, которые часто или исключительно занимаются предупреждением преступности несовершеннолетних, должны пройти специальный инструктаж и подготовку. Для этой цели в крупных городах должны быть созданы специальные подразделения полиции». В комментарии к этому пункту обращается внимание на необходимость специальной подготовки всех должностных лиц по обеспечению правопорядка, участвующих в отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних.

Между тем современный законодатель отказался даже от той специализации предварительного расследования, которая существовала до 1 июля 2002 г., – по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, расследование проводилось только в форме предварительного следствия и осуществлялось только следователями органов внутренних дел. В настоящее время подследственность таких дел определяется предметным признаком, следовательно, расследовать их могут и органы дознания. Такое положение вызывает обоснованные нарекания в адрес законодателя [8, с. 136–139, 148].

Здесь бы и сформулировать предложение о создании специализированной службы, состоящей из подготовленных специалистов по рассмотрению сообщений о преступлениях с участием несовершеннолетних, расследованию уголовных дел данной категории. Это было бы в духе с разработками, ведущимися в России по созданию ювенальной юстиции. Но мы понимаем, что такой подход может быть предложен только на далекую перспективу. Вместе с тем полностью поддерживаем мнение о том, что по всем уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, обязательно предварительное следствие [13; 8, с. 14].

В соответствии с «Пекинскими правилами», право несовершеннолетнего на конфиденциальность должно уважаться на всех этапах, чтобы избежать причинения ей или ему вреда

из-за ненужной гласности или из-за ущерба репутации.

В юридической литературе значительное внимание уделено реализации этого положения в судебных стадиях. При этом подчеркивается, что необходимо брать во внимание нравственно-психологические особенности несовершеннолетних, связанные с возрастом, недостаточной адаптированностью к условиям внешнего мира [14]. Отдельные авторы настаивают на том, что должен быть запрещен допуск представителей прессы, присутствие публики в зале судебного заседания ограничено родителями и лицами, их заменяющими, а в необходимых случаях и представителями учреждений, занимающихся несовершеннолетними по поручению суда [15, с. 90]. Существует даже концепция стигматизации («клеймения») несовершеннолетнего обвиняемого, подсудимого с «помощью» судебного процесса, особенно открытого, когда имя подростка и его правонарушение до вынесения приговора обрастает слухами, домыслами, что может затем отрицательно сказаться на его судьбе и ему самому нанести психическую травму [15, с. 91].

Однако применительно к стадии предварительного расследования таких деталей и нюансов на страницах юридической печати не приводится. Очевидно, это связано с наличием в УПК РФ ст. 161 «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования», а также в УК РФ ст. 310 «Разглашение данных предварительного расследования». Тем самым законодатель установил относительную конфиденциальность предварительного расследования, что как раз и соответствует предписаниям «Пекинских правил».

Остался практически неисследованным в юридической науке вопрос об использовании элементов конфиденциальности на стадии возбуждения уголовного дела [16; 4, с. 123–124]. В статье 161 УПК РФ говорится о том, что **не подлежат разглашению данные предварительного расследования**. Но, деятельность, осуществляемая до возбуждения уголовного дела, не является предварительным расследованием. Таким образом, установив «тайну следствия», законодатель не сделал этого применительно к предварительной проверке сообщения о преступлении.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что **состояние правового регулирования статуса несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства на этапах приема, регистрации и проверки сообщения о преступлении нельзя признать удовлетворительным. Это явно не способствует обеспечению защиты их прав и интересов.**

Список литературы

1. Строков А.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009.
2. Галимов О.Х. Проблемы правового регулирования уголовного судопроизводства с участием малолетних: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Омск, 1997. С. 15–18.
3. Архив Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода за 2007 г. Дело № 1–46/2007.
4. Марфицин П.Г. Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. М., 1993.
5. Даниленко И.А. Обстоятельства, подлежащие установлению при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с; Тимошенко С.Е. Изучение в процессе расследования личности несовершеннолетнего, совершившего преступление (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты): дис... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 200 с.
6. Возбуждение и предварительное расследование дел о преступлениях несовершеннолетних. Волгоград, 1982. С. 32; Николок В.В. Уголовный процесс по делам о преступлениях несовершеннолетних. Омск, 1998. С. 20.
7. Довгалюк Н.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: Автореф. Дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009.
8. Сычев А.А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы производства по делам несовершеннолетних: Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009.
9. Смирнова И.С. Методика преподавания темы «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» в Омской академии МВД России: Учебно-методическое пособие. Омск, 2003. С. 9–10.
10. Архив Горьковского ЛУВД за 2009 г. Отказной материал № 182.
11. Чурилов Ю.Ю. Защита на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. 2008. № 8. С. 49–51.
12. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) // Международные акты о правах ребенка: Сборник документов. М.: НОРМА, 2000. 784 с.
13. Бычкова К.Г., Мифтахов Р.Л. Подследственность уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности // Актуальные проблемы юридической науки и образования: Сборник научных статей. Выпуск 2. Ижевск, 2005. С. 28–31; Тетюев С.В. Влияние Федеральных законов от 5 и 6 июня 2007 г. на производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 5. С. 67.
14. Кисленко С.Л., Комиссаров В.И. Судебное следствие: состояние и перспективы развития. М.: Юрлитинформ, 2003. С. 91.
15. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учебное пособие. М.: Дело, 2000.
16. Шурухнов Н.Г. Обеспечение неразглашения данных предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования. Волгоград, 1987. С. 96.

ENSURING THE RIGHTS OF MINORS AT THE STAGE OF ACCEPTANCE AND VERIFICATION OF CRIME REPORTS

N.A. Kiryanina

Legal regulation of the status of minors participating in criminal proceedings at the stages of acceptance, registration and verification of crime reports is discussed. At present, the state of legal regulation in this sphere cannot be considered satisfactory. This is clearly not conducive to the protection of minors' rights and interests.

Keywords: minors, legal representative, verification of a crime report, preliminary investigation.